

© 2011 г. *Р.Т. Гильфанов*
УДК 81

**МОДАЛЬНОЕ ПОЛЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

В языкознании категория модальности, вызвавшая широкий интерес исследователей, относится к числу проблем, систематическое изучение и анализ которых начались во второй половине XX в., после появления в свет трудов В.В. Виноградова. Относясь к числу функционально-семантических категорий, которые формируют предикативную ось предложения и обеспечивают его «живой контакт с внеязыковой действительностью» [1], она в течение многих лет является объектом устойчивого и активного интереса, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Являясь семантической (понятийной) категорией, присущей всем языкам и свойственной одновременно и языку, и мышлению, модальность принадлежит к числу универсальных категорий, « в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [2]. Поэтому исследование данной категории на материале не одного, а двух или нескольких языков позволяет обнаружить такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их изолированном изучении и способствует тем самым выявлению как универсальных типологических экспликаторов категории модальности, так идеоэтнических (национально-специфических) особенностей, характеризующих конкретную языковую картину мира. Исследования же, выполненные на материале разноструктурных языков (в том числе татарского и немецкого языков), единичны. Кроме того, все они в соответствии с конкретными исследовательскими задачами характеризуются узкой направленностью в исследовании интересующей нас категории: предметом анализа в них являются или отдельные модальные значения, отдельные лексические экспликативы определенных модальных значений, реализующихся

в грамматической системе татарского и немецкого языков или межкатегориальные связи модальности. Поэтому более широкое изучение модальности на материале указанных языков представляется важным как с научной точки зрения, так и с прагматической, обусловленной возросшей ролью немецкого языка в различных сферах современной международной жизни и татарского языка как государственного в Республике Татарстан.

Модальность, которая определяется как отнесенность (отношение) действия к действительности, устанавливаемая говорящим лицом, является неотъемлемой характеристикой речи; как это принято считать, нет речи без модальности, как нет, впрочем, и модальности без речи, т.е. не раскрыв природы категории модальности и того, как она преломляется и передается в исследуемом языке, невозможно вести речь ни о синтаксических явлениях этого языка, ни об отдельных морфологических категориях, например, категориях времени и наклонения. Выражая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом, модальность как бы распадается на две части – реальную и ирреальную – в зависимости от того, насколько сообщаемое отрывается или отходит от фактов объективной действительности. Это указание на отношение действия к действительности может носить самый разнообразный характер, т.е. предложения могут рассматриваться и анализироваться с разных позиций: во-первых, по цели установления коммуникативных связей и, во-вторых, по характеру установления связей между содержанием высказываемого и реальной действительностью. По цели коммуникативных связей предложения подразделяются на повествовательные, вопросительные, восклицательные и побудительные. По характеру установления связей между предложением и объективной действительностью – на реальные и ирреальные. Реальными являются те связи, когда сообщение носит характер констатации фактов реальной (объективной) действительности. В таком случае сообщение является прямым отражением фактов объективно существующего мира и мыслится говорящим как утверждаемое или отрицаемое, как вполне реальное и осуществимое, действительно происходящее или имеющее место произойти в будущем. В таком высказывании выражается уверенность, отсутствие у говорящего сомнений относительно правильности того взгляда, которого он придерживается. Поскольку сообщение носит характер

констатации фактов действительности, и, следовательно, вопрос об осуществимости действий, о которых сообщается, не возникает.

Свое языковое выражение сообщения такого порядка получают в формах изъявительного наклонения, не имеющего своего специального показателя. Оно конституируется всей системой временных форм, служащих «для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем» [3]. В плане же модальности они создают, по утверждению В.В. Виноградова, «прямую модальную категорию реальности». В таких высказываниях в силу абсолютной достоверности их содержания при условии, однако, пространственной и временной контактности не уместны маркеры, указывающие на источник приобретения информации и ее полноту. Высказывания типа *Ich sehe einen Wald, Bertolt Brecht ist der größte deutsche Schriftsteller* характеризуются объективным значением (эпистемическим статусом), и какие-либо сомнения относительно достоверности пропозиции в ситуациях, не отягощенных особым прагматическим смыслом, не допустимы. В обоих сопоставляемых языках изъявительное наклонение или индикатив служит основным грамматическим средством выражения модальности действительности, т.е. оно обозначает реальное действие, происходящее в плане настоящего времени, происходившее в прошлом или имеющее произойти в будущем, вследствие чего это наклонение получает свое выражение в соответствующих формах времени и лица.

Наиболее четкое и непосредственное выражение значение действительности находит в форме настоящего актуального с признаками наблюдаемости (перцептивности), т.е. когда ситуация как бы действительно происходит на глазах у говорящего. Нем.: *Die Leute sind längst nach Hause gegangen... Kolja aber sitzt da und spielt leise, improvisiert eine traurige Melodie. Und er denkt, denkt und denkt (W. Schukschin. Gespräche bei hellem Mond)* «Люди давно разошлись по домам ... А Колька сидит, тихонько играет — подбирает что-то на слух, что-то грустное. И думает, думает и думает». Тат.: *Сәке түрендә Зәһрә карчык аякларын бөкләп, тәсбих тартып утыра. Аның янында Вафа балалары йоклап ята (М. Галәү. Болганчык еллар)* «На лавке, согнув ноги и держа в руках четки сидит бабушка Зухра. Около нее спокойно спят дети Вафы»; *Әнә сукмак буйлап ике кеше төшөп килә (И. Гази)* «Вон вдоль дороги спускаются два человека».

Морфосема одновременности действия с моментом речи и актуальность действия максимально четко проявляет себя в диалогической речи. Нем.: *-Was hast du? - Gar nichts. Alles normal.* «- Что с тобой? - Ничего. Все нормально»; *Läufst du auch in Lumpen rum, mußt ja unbedingt einen Pelz haben* (Schukschin. *Gespräche bei hellem Mond*) „Ты же вон какая оборванная ходишь, надо, конечно, шубу“. Тат.: “- *Монда нишлэп торасың, кызым? – Менә Ибраһим абый гәзит укый, шуны тыңлап торам* (Г. Исхакий. *Алдымбирдем*) “- Ты что тут делаешь, доченька? – Да вот дядя Ибрагим читает газету, а я слушаю» ; *Ишетәсеңме, нинди шәп уйный?* (Г. Бәширов, *Намус*) “Слышишь, как он хорошо играет?”

Особенности семантики форм настоящего времени делают его одним из основных средств для обозначения модальности действительности. Для глагольной системы немецкого и татарского языков характерен так называемый «расширенный презенс», который выражает происходящие в действительности обычные, типичные или повторяющиеся действия, или действие, представляющее постоянный признак, свойство лица или предмета. Настоящее расширенное всегда описывает длящиеся, незавершенные в действительности действия или события, не имеющие ярко очерченных границ. Нем.: *Viele, sehr viele Autos befahren die Straße. Tag und Nacht reißt ihr Gedröhn nicht ab, sie heulen auf den Pässen, nehmen vorsichtig die gefährlich scharfen Kehren über dem Abgrund* (Schukschin. *Kalina krasnaja*) «Много, очень много машин ходят по тракту. День и ночь гудят они, воют на перевалах, осторожно огибают бомбы (крутые опасные повороты над кручей)». Тат.: *Һәр көнне кич берлә бер-бер иптәшнең өеннән алып килгән “матдаләре” берлә сыйланамыз, чәй эчәмез, уйныйбыз, көлешәмез, жырлыйбыз, бәйрәм итәмез* (Г. Исхакий. *Тормышмы бу?*) “Каждый день вечером угощаемся гостинцами, привезенными кем-либо из дома, пьем чай, играем, веселимся, празднуем”.

На следующей ступени иерархии модальности действительности находится актуальность, отнесенная к прошлому, то что было актуальным, было наблюдаемым. Формы, называемые прошедшими временами в немецком языке внутри своего ряда противопоставляются как по аспектуальным, так и по модальным признакам. Основное значение, характеризующее формы прошедшего времени в немецком языке и удерживающее их в микрополе модальности действительности – это значение предшествующего законченного

или незаконченного действия, действительно имевшего место в прошлом. Немецкий имперфект, называемый прошедшим повествовательным, выражает не законченное до конца действие, действительно развивающееся и протекающее в прошлом. *Sonntags immer, kam über ihn so merkwürdige Schwermut (Schukschin)* «По воскресеньям наваливалась особенная тоска»; *Manchmal gelang es Maxim, sich zu beherrschen und nicht zu schimpfen (Schukschin)* «Максим иногда пересиливал себя — не ругался». *Es kam vor, daß sie an den Sontagen mit der Tochter Ausflüge machten (Schukschin)* «Бывало, что по воскресеньям они втроем — с дочкой — ездили куда-нибудь». В татарском языке значение немецкого претерита передает форма прошедшего категорического времени на *-ды*, выступающая в системе глагольных времен как сильная категория и выражающая действие, действительно происходившее в прошлом. У данной формы отчетливо проявляется значение очевидности и локализованности действия: *Бугенге көн Газинурның тормышында онытылмаслык эз калдырды (Г. Әнсәләмов, Газинур)* «Сегодняшний день оставил незабываемый след в жизни Газинура»; *Ул арада күрше йорт күләгәсенән бер кеше килеп чыкты (Г. Әнсәләмов, Газинур)* «В это из-за соседнего дома вышел человек высокого роста».

Татарское прошедшее незаконченное время на *-а иде* выражает также действие, действительно развивающееся и протекающее в прошлом, но не законченное до конца: *Мин дә ул вакытта, башка малайлар белән чыгып уйный, көлә, иртәдән кичкә чаклы шунда була идем (М. Гафури, Тормыш баскычлары)* «Я тоже тогда играл, смеялся с другими мальчишками, находился там с утра до вечера»; *Мотәһир урамга чыкты. Көнбатыштан куе кара болытлар күтәрелеп килә иде (Ф. Зыятдин, Көн вә төн)*. Форма сложного прошедшего времени Perfekt, выступающая в системе времен как сильная категория, имеет общее для всех глаголов изъявительного наклонения значение действия, действительно происходившего в прошлом и, как правило, не связана с экспрессией – нейтральна. Она обозначает однократно очевидное действие в прошлом. У данной формы отчетливо проявляется значение очевидности и локализованности действия, осуществившегося в прошлом: *Es ist Abend. Die Sonne ist untergegangen (Schukschin. Kalina krasnaja)* «Вечер. Солнышко закатилось».

Для передачи значения действительности в немецком языке используется также сложная временная форма Plusquamperfekt (предпрошедшее или давнопрошедшее время), состоящая из вспомогательных глаголов *haben* и *sein* в претерите и причастия II спрягаемого глагола. Плюсквамперфект обозначает такое прошедшее действие, которое предшествует другому действию, совершенному также в прошлом: *Die Leute hatten sich im Klub versammelt* (Schukschin. *Kalina Krasnaja*) «Люди собрались в клубе»; *Er lebte schon drei Jahre in Leipzig. Er studierte hier an der Karl-Marx - Universität. Vor dem Studium hatte er in Berlin als Schlosser gearbeitet* (Чуваева) «Он уже три года жил в Лейпциге. Здесь он учился в университете им. Карла Маркса. До университета он работал слесарем в Берлине.

Типичные, в действительности неоднократно повторяющиеся действия в прошлом в татарском языке передаются формой на *-a торган иде*, называемой в грамматике прошедшим многократным временем: *Ул ата-бабалары турында сөйли торган иде* (М. Галәү, *Болганчык еллар*) «Он обычно рассказывал о своих предках»; *Кайчакларда аның бер үзе калып та берәр-икешәр сәгать утыра торган иде* (Г. Әпсәләмов, *Газинур*) «Иногда он отавался ради нее одной на один-два часа». В немецком языке данное значение выражается формой прошедшего незаконченного времени Imperfekt. Таким образом, основное значение, характеризующее формы прошедшего времени в немецком и татарском языках и удерживающее их в микрополе модальности действительности – это значение предшествующего законченного или незаконченного действия, действительно имевшего место в прошлом.

Подводя краткий итог рассмотрения микрополя модальности действительности в немецком и татарском языках, мы можем утверждать, что формы изъявительного наклонения служат основными грамматическими средствами выражения модальности действительности, т.е. они обозначают реальные действия, происходящие в плане настоящего, прошедшего и будущего времени. В обоих сопоставляемых языках в его центре находится форма настоящего актуального времени, в которой отличительная особенность модального значения действительности находит наиболее четкое и непосредственное выражение. При помощи настоящего актуального говорящий устанавливает или создает такое представление о действии или факте, которое не содержит элементов, связанных с ирреальностью, а также элементов недоверности. В

ситуации настоящего актуального очевидна связь модального значения реальности и семантики времени: перед нами модально-темпоральный комплекс с элементами, имеющими отношение и к модальности, и к темпоральности. На низшей ступени находится актуальность, отнесенная к прошлому, то, что было когда-то актуальным, наблюдаемым. Таким образом, функционально-семантическое поле модальности действительности в сопоставляемых татарском и немецком языках характеризуется сложной структурой. Это совокупность разноуровневых языковых средств, обладающая общим значением модальности действительности. Наиболее специализированным для выражения данного значения в этих языках является настоящее актуальное время, которое составляет ядро функционально-семантического поля действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.*
2. *Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.*
3. *Гаджиахмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М., 2000.*

*Тюменский
государственный университет*

5 сентября 2011 г.